

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕ

ЗАНИМАЮТСЯ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Не занимаются

Аннотация

«Только что распускались деревья. В бледно-прозрачной аллее монастырского сада сидели вместе на лавочке благообразный, полный, чистый монах и купчиха.

Купчиха приехала в монастырь из Твери, к старцу Памфилию, к которому ездили многие, потому что он был известен святой жизнью и считался прозорливцем.

Поздняя обедня отошла, но к старцу еще не допускали. Сквозь едва опущенные, нежные деревья виден был собор невдалеке, паперть, покрытая народом. В серо-коричневой толпе богомольцев – черные пятна монахов...»

Зинаида Гиппиус

Не занимаются

Только что распускались деревья. В бледно-прозрачной аллее монастырского сада сидели вместе на лавочке благообразный, полный, чистый монах и купчиха.

Купчиха приехала в монастырь из Твери, к старцу Памфилию, к которому ездили многие, потому что он был известен святой жизнью и считался прозорливцем.

Поздняя обедня отошла, но к старцу еще не допускали. Сквозь едва опушенные, нежные деревья виден был собор невдалеке, паперть, покрытая народом. В серо-коричневой толпе богомольцев – черные пятна монахов.

Солнце белило землю дорожки. Тени от прозрачной листвы тоже были прозрачные, бледные, нежноузорчатые.

– Так, сударыня, – говорил о. Леонтий, монах, с которым купчиха, приехавшая еще с вечера, успела познакомиться. – Дело Божье. Отец Памфилий прозревает, многое прозревает. Смотря по тому, с какой нуждой к нему идут. И простой народ идет, и господа наезжают.

Купчиха нерешительно вздохнула. Она была немолодая, но моложавая, полная; все в лице у нее было круглое, и глаза, и нос, и рот; круглое – и приятное. Гладко расчесанные волосы, чуть с проседью, шляпка с подвязушками, темноватое платье и кофта, хорошие. В руках ридикюль.

– Дело-то мое очень трудное, батюшка, – сказала она. – Такое трудное дело. Вдова я, сына имею, одного-разъединственного.

– Пьет, что ли? – спросил о. Леонтий, жмурясь от солнца. – Али непочтителен?

– Кабы пил! И не пьет, и ко мне почтителен. Он почтителен, потому вдовею я давно, и сама хозяйка, а у нас три лавки. Он у меня к делу хорошо приучен, однако я его всего могу лишить, потому капитал на мое имя. Но, конечно, один он у меня.

– Так в чем же горе-то ваше, матушка?

– Да вот и горе. Такое уж горе! Пошел ему двадцатый год – я его и женила, благословясь. Невеста попалась – золото. Сирота, тихая, из себя миловидная, Васюту любит, лучше нельзя. А два года прошло – она у нас и обезножь.

– Как так?

– Да внутреннее, говорят, повреждение. Родила несчастливо, а после того и не встает. Сама ничего, здорова, а какое уж! Полчеловека.

– Ага, так, – сказал о. Леонтий, качнув головой. – Болящая, значит. Что ж, исцеления бывают.

– Исцеление уж где ж! Мы и в Москву, по всем докторам ее возили, и к чудотворцам ездили. В Сарове два раза были. Легче нет нисколько. А доктора говорят – окончательное внутреннее повреждение. Жить, говорят, сколько угодно может, ну, больше, говорят, и не ждите ничего.

– Крест вам, матушка, послан, – наставительно сказал о. Леонтий. – А вы не ропщите.

Купчиха всплеснула руками.

– Видит Бог, не ропщу! Я ее, Аксюту, как дочь жалею! Разве я на тяготу от нее ропщу? Вы дальше-то послушайте!

Она вынула из ридикюля платок, утерлась и словоохотливо и озабоченно продолжала:

– Ну, после этого Вася мой ждал-пождал, очень, конечно, беспокоился и грустил, а вдруг и стало мне известно, что он в моем же дому при живой жене с Глашкой связался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.